

ДМИТРИЙ ВЕКТОР

*Между
прошлым
и тобой*

Дмитрий Вектор
Между прошлым и тобой

«Автор»

2026

Вектор Д.

Между прошлым и тобой / Д. Вектор — «Автор», 2026

Анна приезжает в Прагу по программе обмена, мечтая изучать чешскую литературу и погрузиться в атмосферу старинного города. Но случайная встреча в библиотеке с Матеем Новаком, наследником знатной архитектурной династии, переворачивает её жизнь. Матей три года не может оправиться от трагической гибели невесты и закрыл своё сердце для любви. Но Анна пробуждает в нём чувства, о которых он думал, что забыл навсегда. Между ними вспыхивает страсть, но на пути влюблённых встают преграды: неодобрение старинной семьи, тайны прошлого и опасный враг, готовый на всё ради наживы. Когда программа обмена заканчивается, Анна и Матей оказываются перед выбором: бороться за любовь или отпустить друг друга. Выдержит ли их чувство испытание расстоянием? Или история повторится, как столетие назад повторилась судьба предков Матея — его прабабушки Софии и русского офицера Дмитрия? История о том, что настоящая любовь сильнее обстоятельств, расстояний и времени.

© Вектор Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Город мостов.	5
Глава 2. Случайная встреча.	8
Глава 3. Секреты старого города.	11
Глава 4. Повторная встреча.	14
Глава 5. Прогулка по тайным местам.	18
Глава 6. Первый поцелуй.	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Дмитрий Вектор

Между прошлым и тобой

Глава 1. Город мостов.

Прага встретила меня туманным октябрьским утром и мелким дождём, который превращал брусчатку Староместской площади в зеркальную гладь. Капли стекали по витринам антикварных лавок, создавая причудливые узоры, сквозь которые я пыталась разглядеть свой путь к университету. Мой чемодан упрямо застревал между булыжниками, а в голове крутилась одна мысль: «Что я здесь делаю?».

Меня зовут Анна Волкова, мне двадцать один год, и ещё вчера я была обычной студенткой Санкт-Петербургского университета с размеренной жизнью и предсказуемым будущим. А сегодня стою посреди незнакомого города, где не знаю ни языка толком, ни людей, ни даже того, как добраться до общежития, адрес которого написан на мятом листке в моём кармане.

Программа студенческого обмена. Звучало как мечта, когда я подавала документы полгода назад. Возможность изучать чешскую литературу, работать с редкими рукописями, погрузиться в атмосферу города, который называют «матерью городов» и «каменной симфонией». Мама говорила, что я романтизирую всё на свете. Папа молчал, но взгляд его говорил: «Это безумие, дочь».

Может, они были правы.

Я остановилась у Астрономических часов, задрав голову вверх. Орлой тикал размеренно, его золотые стрелки медленно обходили циферблат, усеянный знаками зодиака и алхимическими символами. Туристы толпились вокруг, ожидая боя курантов, но до следующего представления было ещё двадцать минут. Я присела на край фонтана, вытащила телефон – батарея на исходе, роуминг съедал последние деньги со счёта, а карты категорически отказывались показывать моё местоположение.

– Заблудилась? – раздался голос справа.

Я вздрогнула и обернулась. Рядом стояла девушка лет моего возраста, с копной рыжих кудрей, убранных под вязаную шапку, и с хитрой улыбкой на лице, усыпанном веснушками. Говорила она по-русски, но с лёгким акцентом.

– Настолько заметно? – выдавила я, чувствуя, как щёки наливаются краской.

– Ну, чемодан с петербургскими наклейками, растерянное лицо и карта Google, которая явно не работает, – она присела рядом, протянув руку. – Лукреция Марчелли. Итальянка по паспорту, пражанка по духу, студентка по необходимости.

– Анна Волкова, – я пожала её тёплую ладонь. – Русская по всем параметрам и совершенно потерянная.

– Куда тебе нужно?

Я показала помятый листок с адресом общежития на Жижкове. Лукреция присвистнула.

– О, это та ещё весёлая часть города. Но ничего, доберёмся. Пошли, а то под дождём мокнуть – сомнительное удовольствие даже для романтических особ вроде нас.

Она схватила одну ручку моего чемодана, и мы двинулись сквозь лабиринты узких улочек. Лукреция болтала без умолку, показывая то на готический шпиль, то на барочный портал, то на граффити, которое, по её словам, нарисовал известный уличный художник. Я слушала вполуха, зачарованная самим городом.

Прага была другой. Не такой, как в путеводителях и на открытках. Она пахла свежим хлебом из пекарен, сырой листвой и чем-то сладким – корицей, что ли. Окна домов светились тёплым жёлтым светом, за витринами антикварных лавок виднелись статуэтки, старин-

ные книги в кожаных переплётках, музыкальные шкатулки. В одном из двориков играл уличный музыкант – скрипач в длинном чёрном плаще, его мелодия была печальной и пронзительной одновременно.

– Красиво, правда? – Лукреция поймала мой взгляд. – Только не влюбись в этот город слишком сильно. Прага не отпускает тех, кто влюбился по-настоящему.

– Звучит как предупреждение из готического романа.

– Потому что так и есть, – она засмеялась. – Здесь полно историй о людях, которые приехали на неделю и остались на всю жизнь. О художниках, которые сошли с ума от красоты. О влюблённых, которых разлучили войны и революции, но души их так и бродят по Карлову мосту.

Мы вышли на набережную Влтавы. Река текла медленно, свинцовая под пасмурным небом, а на том берегу возвышался Пражский Град – огромный комплекс дворцов и соборов, окутанный туманом.

– Завтра покажу тебе всё как следует, – Лукреция кивнула в сторону замка. – А сегодня давай просто доставим тебя до общаги живой. Кстати, ты уже знаешь, где будешь работать?

– В книжном магазине на Малой Стране, – я вытащила второй помятый листок с адресом. – «Страницы времени», кажется.

– О! – Лукреция остановилась как вкопанная. – Это же магазин старика Кафки. Ну то есть его на самом деле зовут Томаш, но все называют его Кафка, потому что он похож на писателя и такой же странный. У него там настоящая сокровищница. Редкие издания, манускрипты, книги на всех языках мира. Говорят, он не просто продаёт книги, а подбирает их под людей. Как будто чувствует, кому какая нужна.

– Звучит мистически.

– Здесь всё мистически, детка, – Лукреция подмигнула. – Привыкай.

Общежитие на Жижкове оказалось советским монстром из серых панелей, но вид из окна шестого этажа искупал всё. Весь город простирался передо мной – красные крыши, шпили костёлов, зелёные купола, и где-то там, в дымке, – Петршинская башня, пражская копия Эйфелевой.

Комната была маленькой, с двумя кроватями, двумя столами и общим шкафом. Вторая кровать пустовала – соседка, судя по расписанию на двери, училась на медицинском и пропала на практике. Я рухнула на своё ложе, чувствуя, как усталость от бессонной ночи в поезде накрывает меня тяжёлым одеялом.

Телефон пискнул – сообщение от мамы: «Доехала? Всё хорошо? Позвони!».

Я набрала короткий ответ: «Всё отлично. Прага прекрасна. Созвонимся вечером», – и положила телефон на зарядку.

Отлично? Я не знала, отлично ли. Я не знала, что будет дальше, как сложится учёба, хватит ли мне денег, которые я накопила за лето, работая в библиотеке. Не знала, справлюсь ли с чешским языком, который казался набором непроизносимых звуков. Не знала даже, зачем, собственно, приехала сюда.

Нет, это неправда. Я знала.

Я приехала, чтобы сбежать. От размеренной жизни, от ожиданий родителей, от парня, с которым встречалась три года и который в конце концов сказал: «Ты какая-то не такая, Анна. Всегда с головой в облаках». От самой себя, какой я была там.

Здесь, в Праге, я могла стать кем угодно. Чистый лист. Новая история.

За окном дождь усилился, застучал по стеклу настойчивее. Где-то внизу играла музыка – кто-то включил радио на полную громкость, и мелодия старой чешской песни долетала до моего этажа. Я не понимала слов, но мелодия была щемящей, тоскливой и одновременно полной надежды.

Я встала, подошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу. Город мерцал огнями, просыпаясь после дождливого дня. Где-то там был книжный магазин, в котором я начну работать послезавтра. Где-то там были университетские аудитории, библиотеки с древними рукописями, мосты с легендами. Где-то там была моя новая жизнь.

И где-то там, хотя я ещё не знала об этом, был он.

Матей Новак. Человек, который перевернёт всё вверх дном. Который покажет мне Прагу настоящую – не туристическую открытку, а живой, дышащий организм с тайнами и шрамами. Который научит меня любить так, что будет больно. И который заставит меня выбирать между прошлым и будущим.

Но это всё будет потом. А пока я стояла у окна, вдыхая запах дождя и свежести, и думала только одно: «Я здесь. Я в Праге. И всё только начинается».

Глава 2. Случайная встреча.

Библиотека Страговского монастыря пахла столетиями. Пылью, старой бумагой, воском церковных свечей и чем-то ещё – временем, наверное, если у времени вообще есть запах. Я стояла в дверях Теологического зала и не решалась войти, боясь нарушить эту идеальную, почти хрустальную тишину.

Барочный зал простирался передо мной как декорация из исторического фильма. Потолок, расписанный фресками, изображавшими сцены из жизни святых, терялся где-то в вышине. Деревянные стеллажи от пола до потолка были заставлены книгами в потрескавшихся кожаных переплётках. Золотые буквы на корешках тускло мерцали в свете, льющемся из высоких окон. В воздухе плавали пылинки, превращая солнечные лучи в осязаемые золотые столбы.

– Входите, не бойтесь, – донёлся голос откуда-то справа. Пожилой библиотекарь в круглых очках улыбнулся мне из-за массивного стола. – Книги не кусаются. Во всяком случае, большинство.

Я неуверенно шагнула внутрь. Паркет скрипнул под моими ботинками – звук показался оглушительным в этой тишине.

– Я ищу сборник Карела Гинекы Махи, – пролепетала я по-английски, доставая помятый список литературы, который дал мне профессор на вводной лекции. – «Máj». Май. Поэма.

– А, Маха! – библиотекарь оживился. – Наш романтический гений. Умер в двадцать шесть, оставил одну поэму, а вошёл в историю навечно. Это в третьем секторе, – он махнул рукой куда-то в глубину зала. – Полка чешской поэзии девятнадцатого века. Но там, боюсь, нужна лестница.

Лестница. Конечно. Я посмотрела на стеллажи, уходящие под самый потолок, и сглотнула. Высоты я не боялась, но идея взбираться по шаткой деревянной конструкции в библиотеке, где каждая книга стояла, наверное, как моя годовая стипендия, не вдохновляла.

Я двинулась в указанном направлении, вглядываясь в корешки книг. Латынь, чешский, немецкий, какие-то нечитаемые готические шрифты. Мои знания чешского ограничивались фразами «Добрый день», «Спасибо» и «Где туалет», так что ориентироваться приходилось по датам.

Наконец я нашла нужный сектор. Раздвижная деревянная лестница стояла у соседнего стеллажа. Я попыталась её передвинуть – чёрт, она весила тонну. Колесики заскрипели, эхо разнеслось по всему залу. Несколько посетителей подняли головы от книг, окинули меня неодобрительными взглядами и вернулись к чтению.

– Вам помочь?

Я обернулась и замерла.

Передо мной стоял парень – высокий, лет двадцати пяти, в тёмно-синем свитере и джинсах. Волосы каштановые, слегка растрёпанные, падали на лоб. Глаза серые, серьёзные, с какой-то затаённой печалью. Красивый, если честно. Из тех, кто красив не открыточной красотой, а какой-то неправильной, притягивающей – острые скулы, чуть неровная линия носа, будто когда-то был сломан.

– Я да, спасибо, – выдавила я, чувствуя, как глупо краснею.

Он без усилий передвинул лестницу к нужному стеллажу, будто она ничего не весила.

– Что ищете? – спросил он, и я поняла, что он говорит по-русски. Почти без акцента, только лёгкая мягкость в некоторых звуках выдавала, что русский – не родной.

– Махи. «Máj».

– Ах, – что-то мелькнуло в его глазах. – «Byl pozdní večer – první máj». Поздний вечер, первое мая. Знаете эту поэму?

– Пока только название, – призналась я. – Задали на семинар.

Он кивнул, забрался по лестнице легко, как кошка, провёл пальцем по корешкам книг и вытащил тонкий том в потрёпанном синем переплёте.

– Вот, – он спустился и протянул мне книгу. – Издание 1836 года. Правда, это факсимиле, но выглядит аутентично.

Я взяла книгу, открыла. Пожелтевшие страницы, старинный шрифт. Не понимала ни слова, но что-то в самом виде этого издания завораживало.

– Спасибо, – пробормотала я. – Вы вы здесь работаете?

– Нет, – он усмехнулся. – Просто часто бываю. Люблю это место. Здесь можно спрятаться от мира.

«Спрятаться от мира». Странная фраза для парня, который выглядел так, будто мир должен быть у его ног.

– Я Анна, – решила я. – Приехала по обмену из Петербурга.

– Матей, – он протянул руку. Пожатие было крепким, ладонь тёплой. – Добро пожаловать в Прагу.

Мы стояли, глядя друг на друга, и я вдруг осознала, что не знаю, что сказать дальше. Какая-то странная связь возникла между нами – будто мы знали друг друга давно, но одновременно были абсолютно чужими людьми.

– Вы изучаете чешскую литературу? – нарушил тишину он.

– Да. Ну, пытаюсь. Пока больше изучаю, как не заблудиться в городе и как заказать кофе, не перепутав слова.

Он улыбнулся – впервые по-настоящему, и это преобразило его лицо, согнало ту печальную серьёзность.

– Чешский язык коварен, – согласился он. – Один неверный звук, и вместо «хорошего дня» вы пожелаете кому-нибудь встречи с дьяволом.

Я рассмеялась, и эхо моего смеха разнеслось по залу. Библиотекарь за столом поднял голову, приложил палец к губам. Я виновато замолчала.

– Пойдёмте на террасу, – предложил Матей. – Там можно говорить нормально.

Мы вышли через боковую дверь на террасу, с которой открывался вид на Прагу. Город расстился внизу, залитый октябрьским солнцем, прорвавшимся сквозь облака. Красные крыши, Влтава, выходящая серебряной лентой, шпили костёлов, прокалывающие небо.

– Это моё любимое место в Праге, – сказал Матей, облокотившись о каменную балюстраду. – Отсюда видно весь город, но ты сам – вне его. Как птица.

– Вы часто хотите быть вне города? – спросила я, и сама удивилась собственной смелости. Но что-то в нём подталкивало к откровенности.

Он посмотрел на меня оценивающе, будто решая, стоит ли отвечать.

– Иногда, – сказал наконец. – Иногда город давит. Слишком много истории, слишком много прошлого. Здесь нельзя пройти квартал, не наткнувшись на памятник кому-то или чему-то. Под каждым камнем – легенда. Это красиво, но тяжело.

Я кивнула, хотя не до конца понимала. Для меня Прага была ещё новой, незнакомой, манящей. Но, может быть, когда живёшь здесь всю жизнь, эта красота становится грузом?

– А вы откуда? – спросила я.

– Отсюда. Коренной пражанин. Пятое поколение, если не больше. Моя семья здесь уже триста лет.

– Триста лет? – я присвистнула. – Это же вся история современной Праги.

– Почти, – согласился он. – Мой предок был архитектором, строил барочные дворцы для знати. Потом род ну, были взлёты и падения. Сейчас я тоже архитектор. Или учусь быть им. Последний курс.

– Это красиво – продолжать дело предков.

– Или это ловушка, – он усмехнулся без радости. – Иногда кажется, что я делаю это не потому, что хочу, а потому что так надо. Семья, традиции, ожидания.

Я вдруг поняла, что Матей был очень похож на ту версию меня, от которой я сбежала. Только у него не получилось сбежать. Или он не пытался.

– А вы? – спросил он. – Почему Прага? Почему чешская литература?

Я задумалась, глядя на город внизу.

– Не знаю, – призналась я честно. – Когда-то прочитала Кафку, потом Кундеру, потом Гавела. И мне показалось, что здесь, в этой литературе, есть что-то настоящее. Не придуманное. Как будто люди, которые это писали, смотрели правде в глаза, даже когда было страшно. И я подумала – может, здесь научусь этому и я. Не врать самой себе.

Матей посмотрел на меня долгим взглядом, и в его серых глазах мелькнуло что-то тёплое.

– Это редкое качество, – сказал он тихо. – Не врать себе.

– У меня пока не очень получается, – улыбнулась я.

Где-то внизу пробили монастырские часы. Матей вздрогнул, посмотрел на свой телефон.

– Мне нужно идти, – сказал он резко, и вся теплота вдруг испарилась из его голоса. Снова вернулась та холодная, отстранённая маска. – Удачи с Махой. Это грустная поэма, но красивая.

Он развернулся и пошёл к двери.

– Матей! – окликнула я. Он обернулся. – Может, увидимся ещё?

Что-то промелькнуло в его лице – сожаление? Желание? Страх?

– Может быть, – сказал он. – Прага – маленький город. Здесь все со всеми встречаются рано или поздно.

И он исчез за дверью, оставив меня одну на террасе с книгой Махи в руках и странным чувством в груди. Будто я встретила кого-то важного. Будто эта встреча что-то изменила, хотя я не могла понять что именно.

Ветер трепал волосы. Я посмотрела на том в руках, открыла наугад. Не понимала слов, но ритм строк был странно знакомым, печальным и светлым одновременно.

«Byl pozdní večer – první máj».

Поздний вечер. Первое мая. Время любви и призраков.

Я закрыла книгу и пошла обратно в библиотеку. Библиотекарь оформил мне читательский билет и дал разрешение взять книгу на неделю. Я вышла из монастыря, и Прага снова окружила меня своими узкими улочками, запахом трдельников и звуками старинной музыки из открытых окон.

Но мысли мои были не о городе.

Они были о сером взгляде, о холодной усмешке, о фразе «иногда город давит». О парне, который появился как призрак и исчез так же быстро, оставив только ощущение, что это была не последняя встреча.

Глава 3. Секреты старого города.

Первая неделя в Праге пролетела как в тумане. Лекции на филологическом, где профессора говорили так быстро, что я едва успевала записывать хоть что-то. Бесконечные прогулки по городу, когда я пыталась запомнить дорогу от общежития до университета и каждый раз умудрялась заблудиться. И работа в книжном магазине «Страницы времени», которая началась в среду и сразу стала моим любимым местом в Праге.

Томаш, владелец магазина – тот самый старик Кафка, о котором говорила Лукреция, – оказался невысоким седовласым мужчиной с пронизательными глазами и привычкой говорить загадками. В первый же день он посмотрел на меня, прищурился и сказал: «Ты ищешь себя. Хорошо. Здесь много тех, кто искал и нашёл. Или не нашёл, но это тоже результат».

Магазин располагался в доме семнадцатого века на тихой улочке Малой Страны, в двух шагах от Карлова моста. Внутри пахло старой бумагой, кофе и какими-то пряностями – Томаш постоянно заваривал себе травяные чаи по рецептам, которые, по его словам, знала ещё его прабабка-травница. Книги громоздились повсюду – на полках, на столах, на подоконниках, даже на ступеньках винтовой лестницы, ведущей в подвал-хранилище.

– Никакой системы? – спросила я в первый день, разглядывая хаос.

– Система есть, – загадочно улыбнулся Томаш. – Просто не та, к которой привыкли в библиотеках. Здесь книги сами находят своих читателей. Моя задача – не мешать.

Я не понимала, что он имеет в виду, пока не увидела, как он работает. Входил посетитель, и Томаш внимательно смотрел на него несколько секунд, а потом без слов шёл к какой-нибудь полке, доставал книгу и протягивал. Почти всегда человек покупал именно эту книгу, даже если заходил совсем за другим.

– Как вы это делаете? – не выдержала я в пятницу вечером, когда мы закрывали магазин.

– Слушаю, – просто ответил он. – Люди говорят не только словами. Они говорят походкой, взглядом, тем, как держат руки. А книги тоже говорят. Нужно просто слушать и соединять.

Мистика какая-то, подумала я, но промолчала.

В пятницу вечером Лукреция заявила в общежитие с бутылкой дешёвого вина и паке-том трдельников.

– Твоя первая неделя в Праге должна закончиться правильно, – заявила она, врываясь в комнату. – То есть с алкоголем и сладостями на крыше общаги.

– На крыше?

– Там есть технический выход. Все знают, но никто не палит. Пошли, пока не стемнело совсем.

Мы забрались на крышу через узкий люк и замёрзший металлический трап. Вечерний ветер трепал волосы, но вид того стоил. Прага расстилалась вокруг, залитая огнями уличных фонарей. Замок светился прожекторами на холме, река была чёрной лентой с отражениями мостов.

Лукреция разлила вино в пластиковые стаканы, и мы устроились на старом покрывале, которое она предусмотрительно притащила.

– Ну что, как первая неделя? – спросила она, откусывая трдельник. – Влюбилась в город?

– Ещё не поняла, – призналась я. – Он какой-то слишком красивый. Как декорация. Иногда кажется, что всё ненастоящее.

– О, это пройдёт, – Лукреция махнула рукой. – Через месяц начнёшь замечать грязь на улицах, вонь из баров, пьяных туристов, которые блюют на Карловом мосту. Прага станет обычным городом. Но будет одно «но».

– Какое?

– Ты всё равно не сможешь уехать.

Она сказала это серьёзно, без своей обычной иронии, и я почувствовала лёгкую дрожь.

– Почему?

– Потому что у Праги есть секреты. И когда узнаёшь хотя бы один, она не отпускает. – Лукреция отпила вина. – Знаешь легенду Карлова моста?

– Какую именно? Их там, наверное, сотни.

– Самую главную. Про статую святого Яна Непомуцкого. Видела её?

– Ту, что с бронзовыми барельефами? Которую все трогают?

– Точно. Там два барельефа – священник исповедует королеву, и его сбрасывают с моста. Туристы трогают их на удачу, но это детская забава. – Лукреция придвинулась ближе, и голос её понизился до заговорщического шёпота. – А настоящая легенда такая: если встретишь под этой статуей настоящую любовь в ночь полнолуния и поцелуешь её, судьба свяжет вас навсегда. Нитью, которую невозможно разорвать. Вы будете вместе, несмотря ни на что – расстояния, время, даже смерть.

Я рассмеялась:

– Звучит как сказка для влюблённых подростков.

– Смейся-смейся, – Лукреция нахмурилась. – Моя бабушка рассказывала про одну пару – её соседей. Познакомились на мосту в полнолуние, поцеловались под статуей. Потом началась война, его угнали в лагерь, она думала, что он умер. Прошло пятьдесят лет. Пятьдесят, Аня! А они встретились снова – на том же самом мосту. И всё ещё любили друг друга.

– Совпадение.

– Или магия. В Праге много магии. Не той, что в книжках – с заклинаниями и волшебными палочками. А настоящей. Той, что в камнях, в воде, в воздухе. Здесь алхимики искали философский камень. Здесь Голем бродил по улицам. Здесь император Рудольф собирал чудеса со всего света. Думаешь, всё это бесследно прошло?

Я молчала, глядя на город. Полная луна поднималась над Градом, большая и яркая, заливая крыши серебряным светом.

– Сегодня полнолуние, – тихо сказала Лукреция. – Если хочешь проверить легенду – самое время.

– У меня нет никого, с кем проверять, – отмахнулась я.

– А тот парень из библиотеки? Матей? Ты же рассказывала о нём.

Чёрт. Я действительно рассказывала. Вчера вечером, когда Лукреция вытягивала из меня подробности недели. Я пыталась говорить небрежно, но она, конечно, всё поняла.

– Это была просто встреча, – пробормотала я. – Случайная. Мы даже толком не разговаривали.

– Но думаешь о нём.

Я не ответила, потому что это была правда. Я думала о Матее. Больше, чем хотела признать. Вспоминала его серые глаза, печальную улыбку, то, как он говорил про город, который давит прошлым. Вспоминала его руки на лестнице, уверенные движения, тихий голос. И каждый раз, когда шла по улице, ловила себя на том, что ищу его в толпе.

Глупо. Прага – большой город, миллион жителей. Какие шансы встретить его снова?

– Он странный, – сказала я наконец. – То тёплый, то ледяной. Будто два разных человека.

– Значит, интересный, – хмыкнула Лукреция. – Скучные парни предсказуемы. От них не стоит ждать сюрпризов. А интересные они ломают жизнь. В хорошем смысле. Иногда.

– Ты говоришь как женщина с опытом.

– У всех нас есть опыт, детка. Просто не всегда приятный. – Она допила вино. – Но легенда остаётся легендой. Если хочешь узнать, есть ли в ней правда – иди на мост. Сегодня. Сейчас. В полнолуние бывает раз в месяц, а ты в Праге недавно. Вдруг судьба решила тебе подсказку дать?

Я посмотрела на луну, потом на город, потом на Лукрецию.

– Ты серьёзно?

– Абсолютно. Смотри, мне не двадцать один, мне двадцать три. Я два года в Праге прожила. Видела вещи, которые нормальной логикой не объяснишь. Здесь такой город. Либо принимаешь его правила, либо проходишь мимо всего самого интересного.

Ветер усилился, и я поёжилась.

– А если я пойду, и там никого не будет?

– Значит, время ещё не пришло. Или судьба решила по-другому. Но ты хотя бы попробуешь. – Лукреция встала, протянула мне руку. – Пошли. Я провожу тебя до моста. А дальше – сама. Легенда работает, только если идёшь одна.

Мы спустились с крыши, Лукреция проводила меня до трамвайной остановки, и я поехала в центр. Сердце билось быстро – от вина, от волнения, от глупости того, что я делаю. Взрослая девушка, студентка филфака, верит в городские легенды и идёт на мост в полночь, как героиня романтической комедии.

Но что-то внутри подсказывало: иди.

Карлов мост в полнолуние был почти пуст. Несколько влюблённых парочек, один уличный музыкант, собирающий скрипку, ночной охранник. Статуи святых отбрасывали длинные тени на мостовую, а луна висела прямо над башней Малой Страны, огромная и яркая.

Я медленно шла по мосту, и с каждым шагом чувствовала, как нарастает что-то – ожидание? страх? предчувствие? Статуя Яна Непомуцкого возвышалась посередине моста, бронзовые барельефы мерцали в лунном свете.

Я остановилась возле неё, положила ладонь на холодную бронзу. Закрыла глаза.

«Это глупо, – думала я. – Это суеверие. Легенда для туристов».

Но сердце билось так, будто верило в другое.

Я открыла глаза и увидела его.

Матей стоял на другом конце моста, у башни, прислонившись к парапету. Смотрел на реку, не замечая меня. Силуэт чёткий в лунном свете – длинное пальто, руки в карманах, печальная поза человека, который пришёл сюда, чтобы побыть наедине с мыслями.

Моё дыхание перехватило.

Совпадение. Это должно быть совпадение.

Но Лукреция говорила: «В Праге много магии».

Я стояла, не в силах сдвинуться с места, глядя на его спину, и думала: «Что мне делать? Подойти? Уйти? Поверить в легенду или списать на случайность?».

Глава 4. Повторная встреча.

Я шла по мосту, и каждый шаг давался с трудом, будто ноги налились свинцом. Матей всё ещё стоял у парапета, смотрел на реку, и лунный свет делал его силуэт почти призрачным. Может, это и правда призрак? Может, я схожу с ума от усталости и чешского вина?

Но нет. Когда я подошла ближе, он обернулся, и в его серых глазах мелькнуло удивление.
– Анна?

Моё имя в его голосе прозвучало так, будто он произнёс заклинание. Я остановилась в двух шагах от него, не зная, что сказать. «Привет, я здесь по легенде о полнолунии и настоящей любви»? Звучало безумно.

– Привет, – выдавила я. – Гуляю. Не спится.

– Я тоже, – он кивнул, снова отвернувшись к реке. – Прага красива ночью. Особенно с моста.

Мы стояли молча, плечом к плечу, глядя на тёмную воду Влтавы. Где-то внизу плескались волны, ударяясь о каменные опоры. Луна отражалась в реке дрожащей дорожкой.

– Ты веришь в судьбу? – спросил он внезапно.

Вопрос застал меня врасплох.

– Не знаю, – ответила я честно. – Раньше не верила. Думала, что всё в наших руках. Но иногда иногда случаются вещи, которые не объяснишь логикой.

– Как эта встреча?

– Как эта встреча, – подтвердила я.

Он усмехнулся, но в улыбке не было радости.

– Моя бабушка говорила, что Прага – город призраков. Здесь прошлое не отпускает живых. Ходишь по улицам, и каждый камень помнит кого-то. Каждый дом хранит чью-то историю. И иногда эти истории переплетаются с нашими.

– Это красиво звучит, – сказала я. – Но немного страшно.

– Да, – он посмотрел на меня. – Страшно.

В его взгляде было что-то, что заставило моё сердце сжаться. Боль. Старая, затаившаяся глубоко, но всё ещё живая.

– Матей, ты.

– Мне пора, – он резко оттолкнулся от парапета. – Поздно уже. Тебе тоже стоит идти. Ночью на мосту небезопасно.

И он ушёл, даже не попрощавшись, растворившись в тени башни. Я осталась одна под взглядом каменных святых, чувствуя себя идиоткой. Легенда. Полнолуние. Судьба. Всё это было просто красивой сказкой.

Я вернулась в общежитие под утро, упала на кровать не раздеваясь и провалилась в тяжёлый сон без сновидений.

*

В понедельник я проснулась с мыслью: «Забыть». Забыть про Матея, про мост, про глупые легенды. Сосредоточиться на учёбе, работе, реальной жизни. Может, он был прав – Прага опасна тем, что затягивает в мир призраков и иллюзий. А мне нужна земля под ногами.

Утром были две лекции – история чешской литературы и семинар по поэзии. Профессор говорил про романтизм, про Маху, и я вспомнила тот том из библиотеки, который так и не дочитала. Вечером обязательно займусь.

После университета я отправилась в «Страницы времени». Понедельники были обычно тихими – мало посетителей, можно было заниматься инвентаризацией и просто читать. Томаш любил, когда я читала в магазине.

– Читающая девушка привлекает правильных людей, – говорил он. – Тех, кто ценит книги не как товар, а как друзей.

Я устроилась на высоком стуле за прилавком с томом чешской поэзии и погрузилась в строки, пытаясь разобрать незнакомые слова. Дверь магазина тихо звякнула колокольчиком, и я машинально подняла голову.

На пороге стоял Матей.

Он был в джинсах и тёмно-сером свитере, волосы слегка растрёпаны ветром, в руках портфель. Увидев меня, замер, и по его лицу пробежала гамма эмоций – удивление, смущение, что-то ещё, чего я не успела распознать.

– Анна, – сказал он. – Ты здесь работаешь?

– Да, – я отложила книгу, стараясь выглядеть спокойной, хотя сердце колотилось как бешеное. – С прошлой недели.

Он прикрыл за собой дверь и медленно подошёл к прилавку, оглядывая магазин.

– Никогда здесь не был, – сказал он. – Слышал о Томаше, конечно. Говорят, он легенда среди букинистов.

– Он действительно необычный, – я улынулась. – Подбирает книги под людей, как будто читает мысли.

– Интересно, что он подобрал бы мне, – пробормотал Матей.

Как по вызову, из глубины магазина появился Томаш с чашкой чая в руках. Он окинул Матея одним долгим взглядом, кивнул себе под нос и скрылся в подсобке, не сказав ни слова.

– Странный старик, – заметил Матей.

– Он всегда такой. Но знает своё дело. – Я сделала паузу. – Ты что-то ищешь?

– Да, – он открыл портфель и достал список. – Мне нужны альбомы по барочной архитектуре Праги. Конкретно – работы Кристофа Динценхофера и его сына Килиана Игнаца. Редкие издания, если есть.

Я взяла список, пробежалась глазами. Названия были на чешском и немецком, даты издания – семнадцатый, восемнадцатый век.

– Это для университета?

– Для диплома, – он прислонился к прилавку. – Я пишу работу о восстановлении барочных элементов в исторических зданиях. Нужны оригинальные чертежи, эскизы, описания технологий. В электронном виде это не то – нужно видеть бумагу, штрихи, понимать, как мыслил архитектор.

Я кивнула. Это было похоже на моё отношение к литературе – электронная книга никогда не заменит ощущение настоящей, её вес в руках, запах страниц, шелест при перелистывании.

– Дай мне пять минут, – я встала. – У нас есть секция архитектуры в подвале. Томаш хранит там самые ценные издания.

Подвал «Страниц времени» был отдельным миром. Низкие сводчатые потолки, каменные стены, старинные стеллажи из тёмного дерева. Здесь было прохладно и пахло сыростью, но книги хранились в идеальном состоянии – Томаш следил за влажностью и температурой с педантичностью учёного.

Я нашла нужную секцию, провела пальцем по корешкам. Большинство книг были на немецком – Прага долгое время была частью Габсбургской империи, и немецкий был языком образованных людей. Вот – Динценхофер. Я осторожно вытащила массивный том в кожаном переплёте с золотым тиснением.

– Нашла! – крикнула я вверх.

– Можно спуститься? – донёсся голос Матея.

– Конечно.

Он спустился по скрипучей деревянной лестнице, оглядываясь по сторонам с благоговением.

– Здесь как в пещере Аладдина, – пробормотал он. – Только вместо золота – книги.

– Для Томаша это и есть золото, – я протянула ему том. – Вот, смотри. «Архитектурные проекты и чертежи Килиана Игнаца Динценхофера». Прага, 1751 год. Факсимиле, но очень качественное.

Матей взял книгу, открыл. Страницы были заполнены детальными чертежами – фасады, планы, разрезы зданий. Он водил пальцем по линиям, и я видела, как меняется его лицо – суровость уходит, появляется живой интерес, почти детский восторг.

– Это невероятно, – прошептал он. – Видишь эти пропорции? Видишь, как он использовал свет и тень? Барокко – это не просто украшательство. Это философия. Идея о том, что красота должна потрясать, вызывать эмоции, заставлять задуматься о вечном.

Я слушала его, зачарованная. Когда Матей говорил об архитектуре, холодная маска спадала, и я видела настоящего его – увлечённого, страстного, живого.

– А современная архитектура? – спросила я. – Ты тоже считаешь её красивой?

– Иногда, – он пожал плечами. – Но в ней часто нет души. Всё рационально, функционально, просчитано. Стекло, бетон, прямые линии. Удобно, практично – но пусто. А барокко барокко иррационально. Оно про избыточность, про эмоцию, про то, что нельзя измерить циркулем.

– Как любовь, – вырвалось у меня.

Он поднял глаза от книги, посмотрел на меня долгим взглядом.

– Да, – сказал он тихо. – Как любовь.

Повисла пауза. В подвале было тихо, только где-то наверху скрипнула половица – Томаш ходил по магазину.

– Матей, – решила я. – То, что произошло на мосту.

– Забудь, – он захлопнул книгу. – Я был не в себе. Извини, если показалось, что я не знаю. Я вообще не должен был так резко уйти.

– Почему ты ушёл?

Он отвернулся, поставил книгу обратно на полку.

– Потому что испугался, – сказал он, не глядя на меня. – Потому что думал, что готов к новым встречам. Но оказалось, что нет.

– К новым встречам? – я подошла ближе. – Или к тому, что чувствуешь?

Он резко обернулся, и в его глазах я увидела боль, такую острую, что стало больно мне.

– Анна, ты не знаешь меня. Не знаешь, что во мне. Какой багаж я тащу. И лучше, если так и останется.

– А если я хочу узнать?

– Зачем? – он усмехнулся горько. – Чтобы разочароваться? Чтобы понять, что я не тот человек, которого ты придумала?

– Я ничего не придумывала, – возразила я. – Я просто вижу человека, который боится. Но не знаю, чего именно.

Он молчал, сжав челюсти. Потом медленно выдохнул.

– Ладно, – сказал он. – Хочешь узнать? Покажу тебе кое-что. В субботу. Если не передумаешь.

– Что именно?

– Прагу. Настоящую. Не ту, что в путеводителях. Скрытые дворики, забытые сады, места, где туристы не бывают. Я изучаю эти места для диплома. Может, тебе будет интересно.

Моё сердце подпрыгнуло.

– Интересно, – выдавила я. – Очень.

– Тогда встречаемся в субботу. Десять утра. У входа в Вальдштейнский сад. – Он уже направился к лестнице, но обернулся. – И возьми удобную обувь. Будем много ходить.

Он поднялся наверх, расплатился с Томашем за книгу и ушёл, оставив меня стоять в подвале со стучащим сердцем и улыбкой, которую я не могла скрыть.

Когда я поднялась, Томаш смотрел на меня с загадочной улыбкой.

– Что? – спросила я.

– Ничего, – он отхлебнул чай. – Просто книги нашли своих читателей. Как всегда.

Я не поняла, что он имел в виду, но спрашивать не стала.

Глава 5. Прогулка по тайным местам.

Суббота выдалась неожиданно тёплой для конца октября. Солнце пробивалось сквозь редкие облака, и Прага сияла так, будто специально нарядилась для меня. Я проснулась в семь утра, хотя будильник стоял на девять, и до встречи оставалось ещё три часа. Нервничала? Ещё как.

Лукреция, ночевавшая у меня после вчерашней вечеринки на кафедре, открыла один глаз и застонала:

– Который час, ради всех святых?

– Рано. Спи дальше.

– Ты что, уже встала? – она приподнялась на локте, всматриваясь в меня. – О боже. У тебя же сегодня свидание с архитектором-призраком!

– Это не свидание, – возразила я, роясь в шкафу в поисках чего-то подходящего. – Просто прогулка. Экскурсия.

– Ага. Экскурсия в одиночестве с красивым парнем, который смотрит на тебя так, будто ты последняя книга в библиотеке, – Лукреция фыркнула. – Детка, это классическое свидание. Одевайся красиво, но не вызывающе. Удобная обувь, но чтобы ноги казались длиннее. Косметика естественная, но чтобы он заметил.

– Спасибо, модный журнал, – я выудила джинсы и мягкий бежевый свитер. – А теперь дай мне собраться в тишине.

К десяти утра я стояла у входа в Вальдштейнский сад, стараясь выглядеть расслабленно, хотя руки тряслись. Матей появился ровно в десять – пунктуальность, очевидно, была его чертой. Он был в чёрной куртке, джинсах и ботинках, волосы уложены небрежно, на лице – лёгкая улыбка.

– Доброе утро, – сказал он. – Готова к путешествию?

– Готова, – я улыбнулась. – Куда идём?

– Увидишь. Но сначала – сад.

Мы вошли в Вальдштейнский сад, и я невольно ахнула. Я уже бывала здесь раньше, но утром, когда толп туристов ещё не было, сад казался другим – тихим, почти сказочным. Подстриженные живые изгороди, гравийные дорожки, фонтан с павлинами, которые важно расхаживали по траве, распуская хвосты.

– Это построил Альбрехт Вальдштейн в семнадцатом веке, – Матей шёл рядом, заложив руки в карманы. – Генерал, политик, один из самых богатых людей своего времени. Хотел сад, который затмит королевские. Говорят, был одержим красотой до безумия.

– И что с ним случилось?

– Убили. Заговор. В итоге вся эта красота досталась другим.

Мы остановились у искусственного грота, украшенного сталактитами из туфа. Внутри было прохладно и сыро, стены покрыты мхом.

– Здесь он медитировал, – сказал Матей тихо. – По крайней мере, так говорят легенды. Приходил сюда один, размышлял о власти, славе, смерти. Как думаешь, о чём думают люди, у которых есть всё?

Я задумалась, глядя на каменные стены.

– О том, что всё равно потеряют это, – ответила я. – О бренности. О том, что красота не защищает от смерти.

Матей посмотрел на меня с интересом.

– Точно. Именно поэтому барокко так любило контрасты. Роскошь и тление. Жизнь и смерть. Свет и тьма. Они понимали, что одно без другого не существует.

Мы вышли из грота, и он повёл меня дальше – не по главным дорожкам, а куда-то в сторону, к узкой калитке в изгороди, которую я раньше не замечала.

– Сюда туристы не ходят, – объяснил он, открывая калитку. – Официально она закрыта, но я знаю код. Преимущества студента-архитектора – доступ к историческим объектам для исследований.

За калиткой начинался другой мир. Узкие улочки без названий, дома с облупившейся штукатуркой и деревянными ставнями, тишина, нарушаемая только пением птиц. Мы шли молча, и я чувствовала, как город открывается передо мной с новой стороны.

– Это Нови-Свет, – сказал Матей. – Новый Свет. Раньше здесь жили бедняки, ремесленники, художники. Сейчас район модный, цены на жильё космические, но кое-где ещё сохранился дух старой Праги.

Он остановился у дома с красным фасадом и звездой над дверью.

– Дом «У золотой звезды». Здесь в восемнадцатом веке жил алхимик. Пытался найти философский камень, разорился и умер в нищете. Говорят, по ночам слышны странные звуки из подвала – будто кто-то всё ещё работает там, в лаборатории.

– Ты веришь в призраков? – спросила я.

Матей задумался.

– Не в призраков как таковых. Но в то, что прошлое оставляет следы – да. Энергия мест, память стен. Называй это как хочешь. Но в Праге такого много. Слишком много истории на квадратный метр.

Мы двинулись дальше, и с каждым поворотом город становился всё более незнакомым. Матей показывал мне крошечные часовни, спрятанные в двориках, барочные порталы с надписями на латыни, дома с необычными знаками – золотая виноградная лоза, чёрное солнце, белый лебедь.

– В старой Праге дома не имели номеров, – объяснял он. – Вместо этого использовали знаки. Каждый дом был уникальным, со своей историей, своим именем. Сейчас мы привыкли к безликости – многоэтажки с одинаковыми окнами, безымянные улицы с цифрами. Но тогда каждый дом был личностью.

– Как люди, – пробормотала я.

– Именно. И может, поэтому они сохранились. Потому что их помнят не как «дом номер пять», а как «дом, где жил алхимик» или «дом у золотой звезды».

Около полудня мы спустились к Влтаве, к месту, которое Матей назвал «его секретным». Узкая тропинка вдоль реки, почти скрытая зарослями, вела к старой каменной скамейке под ивой. Отсюда открывался вид на Карлов мост и Град, но с необычного ракурса – снизу, с уровня воды.

– Сюда я прихожу, когда нужно подумать, – сказал Матей, усаживаясь на скамейку. – Или когда нужно не думать. Помогает и то, и другое.

Я села рядом. Река текла медленно, лениво, унося опавшие листья. Лебедь проплыл мимо, белый и величественный.

– Матей, – решила я. – На мосту ты сказал, что боишься. Чего?

Он долго молчал, глядя на воду.

– Повторения, – сказал наконец. – Ошибок. Потерь.

– Что ты потерял?

Он посмотрел на меня, и в его глазах была такая глубокая печаль, что стало больно.

– Человека, – сказал он тихо. – Три года назад. Её звали Тереза. Мы должны были пожениться.

Сердце моё замерло.

– Что случилось?

– Авария. Пьяный водитель, гололёд, секунда невезения. Она ехала ко мне. Я ждал её к ужину. А потом раздался звонок из больницы. – Он сжал кулаки. – Я не успел попрощаться. Она умерла в операционной, а я сидел в коридоре и ждал, когда мне скажут, что всё будет хорошо.

Я не знала, что сказать. Слов утешения не существовало для такой боли.

– Мне очень жаль, – прошептала я.

– Все говорят «жаль», – он усмехнулся горько. – Будто это что-то меняет. Жизнь продолжилась. Мир не остановился. Только я застрял в том вечере, когда ждал её к ужину, а она так и не пришла.

– Но ты же – я осторожно коснулась его руки. – Ты же живёшь. Учишься, работаешь над дипломом, ходишь в библиотеки.

– Я функционирую, – поправил он. – Это не то же самое, что жить. Три года я функционирую. Делаю то, что нужно. Но не чувствую. Боюсь чувствовать, потому что.

Он не договорил, но я поняла. Потому что чувствовать – значит рисковать снова потерять.

– И тогда, на мосту, – продолжил он, – я испугался. Потому что впервые за три года почувствовал что-то. Когда увидел тебя. И это был ужас.

Моё дыхание перехватило.

– Матей.

– Не говори ничего, – он встал резко. – Просто дай мне время. Я не знаю, готов ли я к этому. К тому, чтобы снова кого-то впустить.

Я встала тоже, подошла к нему.

– У меня есть время, – сказала я. – Я здесь до конца года. Семестр. И я никуда не тороплюсь.

Он посмотрел на меня долгим взглядом, потом неожиданно улыбнулся – по-настоящему, тепло.

– Спасибо, – сказал он просто.

Мы провели остаток дня, гуляя по скрытым местам Праги. Матей показывал мне старинные дворы, рассказывал истории домов, объяснял архитектурные детали. Мы зашли в крошечную кафешку, где подавали трдельники с корицей и горячий яблочный сидр. Сидели в углу, разговаривали обо всём – о книгах, музыке, мечтах, страхах.

Он рассказал о семье – о матери Эвелине, строгой аристократке, живущей прошлым. Об отце Лукаше, архитекторе, как и он, но более прагматичном. О том, что семья владеет несколькими историческими зданиями в Праге и на нём лежит ответственность продолжать дело.

– Иногда кажется, что я не принадлежу себе, – признался он. – Что моя жизнь расписана на сто лет вперёд. Женюсь на ком положено, построю что положено, рожу наследника, передам ему всё это бремя. Такая вот династия.

– А хочешь ли ты этого?

– Не знаю. Раньше казалось, что хочу. С Терезой у нас были планы – она тоже была из нашего круга, всё складывалось идеально. А потом потом всё рухнуло, и я понял, что планы – это иллюзия. Мы ничего не контролируем.

– Но можем выбирать, как реагировать, – сказала я. – На то, что происходит. Можем закрыться. Или рискнуть снова.

Он кивнул медленно.

– Умная девочка.

– Девушка, – поправила я. – Мне двадцать один.

– Прости. Умная девушка. – Он улыбнулся.

Вечерело, когда мы вернулись к Карлову мосту. Город зажигал огни, и Прага превращалась в золотую сказку. Мы стояли у того самого места, где встретились в полнолуние, и я вспомнила легенду.

– Знаешь, – сказал Матей вдруг, – в моей семье есть старая история. О моей прабабушке.

– Какая?

– Она влюбилась в русского офицера. Во время Первой мировой. Это было скандально. Неприемлемо. Семья запретила. Но она сбежала с ним. Они прожили вместе всего год, потом началась революция, и он погиб. Она вернулась в Прагу одна, беременная. Семья простила, но историю замяли. Официально моего прадеда звали так же, как её отца, но.

– Но на самом деле его отцом был русский офицер, – закончила я.

– Да. И она всю жизнь хранила его письма, фотографии, дневник. Писала о нём до самой смерти. О том, что он был её единственной любовью. – Матей замолчал. – Семья считает это позором. Но я всегда думал, что это красиво. Любить так сильно, что не забыть за всю жизнь.

Я смотрела на него, и сердце сжималось.

– Это и правда красиво, – прошептала я.

Он повернулся ко мне, и в его глазах было столько всего – боль, надежда, страх, желание.

– Анна, я.

– Не говори, – я коснулась его руки. – Просто знай, что я здесь.

Он кивнул. Мы стояли так, держась за руки, пока город погружался в ночь. И впервые за три года, как он признался позже, Матей почувствовал, что, может быть, он снова способен жить. По-настоящему.

Глава 6. Первый поцелуй.

После той субботней прогулки что-то изменилось. Матей стал писать мне – сначала редко, короткие сообщения: «Как дела?», «Нашла ли ту книгу Махи?». Потом чаще. Потом мы начали встречаться – на кофе между его парами, на обеде в студенческой столовой, просто на прогулки по вечерам, когда город пустел и становился только нашим.

Луcreция подкалывала меня нещадно:

– Ну что, всё ещё «просто друзья»?

– Мы правда просто друзья, – отвечала я, хотя сама не верила в эти слова.

Потому что с друзьями не бывает вот этого – когда сердце пропускает удар от звука его голоса. Когда весь день ждёшь вечера, потому что увидишь его. Когда засыпаешь, вспоминая, как он смеялся над твоей шуткой или как случайно коснулся твоей руки, передавая чашку кофе.

Прошло две недели после нашей первой прогулки, когда Матей написал: «Свободна сегодня вечером? Хочу показать тебе ещё одно место».

Я была свободна. Даже если бы не была, стала бы.

Мы встретились у подножия Петршинского холма, когда солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в розово-оранжевые оттенки. Матей был в тёмно-синем пальто, шарф небрежно обмотан вокруг шеи, щёки чуть покраснели от холода. Ноябрь вступил в свои права, и воздух пах морозом и опавшей листвой.

– Петршинская башня? – догадалась я, глядя на ажурную конструкцию, возвышающуюся над холмом.

– Не совсем, – он загадочно улыбнулся. – Башня – для туристов. Я покажу тебе место получше.

Мы начали подниматься по извилистой дорожке сквозь парк. Деревья стояли почти голые, последние листья шуршали под ногами. Было тихо – большинство людей уже спустились вниз, и мы встречали только редких бегунов да пару влюблённых, целующихся на скамейке.

– Ты часто сюда приходишь? – спросила я, стараясь не задыхаться – подъём был крутой.

– Раньше приходил. С Терезой. – Он сказал это спокойно, без прежней боли в голосе. – Она любила это место. Говорила, что отсюда видно всю Прагу, и можно представить, как город рос веками, как менялся.

– Тебе не тяжело? – осторожно спросила я. – Возвращаться сюда?

Он остановился, посмотрел на меня.

– Знаешь, что странно? Раньше было тяжело. Я избегал мест, где мы бывали вместе. Но сейчас с тобой это другое. Будто воспоминания перестают жечь. Они просто есть – часть прошлого, но не вся моя жизнь.

Моё сердце сжалось от нежности.

– Это хорошо, – прошептала я.

– Да, – он кивнул и улыбнулся. – Это хорошо.

Мы поднялись на самую вершину холма, но прошли мимо башни, свернув на узкую тропинку, почти скрытую кустами. Тропинка вела к небольшой смотровой площадке – просто ровный пятачок земли с деревянными перилами, выходящий на обрыв.

И вид оттуда открывался потрясающий.

Прага лежала внизу как на ладони. Красные крыши Малой Страны, замок на холме, шпили костёлов, прокалывающие небо, Влтава, петляющая серебряной лентой. Город уже зажигал огни, и в сумерках он выглядел как россыпь золотых звёзд.

– Матей, – выдохнула я. – Это невероятно.

– Знаю, – он прислонился к перилам рядом со мной. – Отсюда Прага кажется такой цельной. Понимаешь? Не набором отдельных зданий, а одним живым организмом. Видишь, как всё связано – мосты соединяют берега, улицы текут как реки, площади как озёра. Это не хаос. Это симфония в камне.

Я слушала его, зачарованная не столько словами, сколько тем, как менялся его голос, когда он говорил о городе. В нём просыпалась страсть, которую он прятал за холодной маской.

– Ты правда любишь архитектуру, – сказала я. – Или город заставил тебя любить?

– Не знаю, – он задумался. – Может, город и выбирает нас. Пражане – мы как часть его. Он формирует нас, а мы формируем его. Бесконечный диалог. Мой прадед построил три дворца на Малой Стране. Дед реставрировал Пражский Град после войны. Отец работает над сохранением исторического центра. А я пытаюсь понять, как объединить прошлое и будущее. Как строить новое, не разрушая старое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.